

том числе в экономической сфере, обеспечение прав и защиты интересов участников гражданского оборота), а не любые нормы, являющиеся формально императивными, в силу отсутствия оговорки «если иное не установлено соглашением сторон».

Таким образом, полагаем, что определение норм в качестве императивных вне зависимости от формальных признаков должно быть применимо не только в сфере частных отношений, осложненных иностранным элементом. С учетом изложенного, считаем необходимым для обеспечения реализации сторонами принципа свободы договора использовать механизм телеологического толкования, направленный на выявление целевой направленности нормы, даже при ее формально императивном закреплении в законодательстве. Целесообразность такого подхода и механизм его реализации полагаем необходимым закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ (СТ. 328 УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

А. К. Козлова

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов является одной из самых актуальных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Наркотизм как негативное социальное явление включает в себя спектр проблем различного характера: медицинского, правового, экономического и социального. Само существование наркомании и наркотизма в современном обществе ведет к его деградации, стимулирует рост преступности, коррупции, насилия, а также способствует снижению уровня жизни населения, что, несомненно, оказывает лишь негативное воздействие. Как показывает криминологическая статистика, в Республике Беларусь с каждым годом наблюдается прирост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, в 2015 году было зарегистрирован 7051 эпизод незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (из них 3778 эпизодов без цели сбыта и 3273 эпизодов с целью сбыта) [13]. В целях сравнения можно привести статистические данные 2010 года, в соответствии с которыми на территории Республики Беларусь было зарегистрировано 4357 эпизодов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (из них 2860 эпизодов без цели сбыта и 1497 эпизодов с целью сбыта) [12].

Законодатель предпринимает все попытки для своевременного реагирования на увеличение роста преступности в этой сфере. Принятие большого массива нормативных правовых актов на государственном и международном уровне свидетельствует об обострении проблемы наркотизма в современном мире, а значит и актуальности детального рассмотрения посягательства, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Страны ближнего и дальнего зарубежья по-разному регламентируют вопросы связанные с преступлениями в области незаконного оборота наркотиков. Ряд государств не предусматривает в своих уголовных кодексах отдельных составов преступлений в этой области. К таким государствам, например, можно отнести Федеративную Республику Германию, в которой вопросы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств регулируются Законом «Об обороте наркотических средств», Королевство Нидерландов, в котором данный вопрос регулируется комплексом норм различных отраслей права (сюда можно отнести Опиумный закон 1928 года, Решение по опиумному закону (королевский указ о правоприменении) 2002 года, Директиву по опиумному закону (директива прокуратуры по исполнению норм уголовного права, содержащихся в опиумном законе) 2012 года, а также некоторые другие). Другие же государства предусмотрели такие положения непосредственно в своих уголовных законах. Среди стран дальнего зарубежья к таким можно отнести Китайскую Народную Республику, Японию, Турцию, Болгарию, среди стран ближнего зарубежья – Российскую Федерацию, Казахстан, Туркменистан, Украину.

В уголовно-правовой теории вопрос об объекте преступления относится к числу дискуссионных. Важность данного элемента состава преступления состоит, прежде всего в том, что с учением об объекте преступления связаны вопросы о содержании вины, квалификации преступлений, разграничения сходных составов, сфера правового опосредствования общественных отношений нормой права и, следовательно, сфера действия уголовного закона. [9; с. 17–18].

В научной литературе ярко выражены как минимум две точки зрения о понятии объекта преступления. В первой, доминирующей позиции объект рассматривается как общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, путем нарушения которых причиняется социально опасный вред. Представители второй концепции (в частности, А.В. Наумов) рассматривают объект преступного посягательства в качестве тех благ (интересов), на которые посягает преступное деяние и которое охраняется уголовным законом. Некоторые другие представители уголовно-правовой науки (Г.П. Новоселов) рассматривают данный эле-

мент состава преступления в качестве людей, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множества лиц, имеющих или не имеющих статуса юридического лица, в третьих – как социум (общество) [11; с. 49–58]. Не углубляясь в сущность научных дискуссий, остановимся на традиционном понимании объекта преступления, а именно совокупности общественных отношений, которым в процессе совершения преступления наносится вред.

Родовой объект конкретного преступления можно выделить исходя из названия главы уголовного закона, в которой состав посягательства содержится. Законодатели различных государств, как и в отношении места незаконного оборота наркотических средств в системе уголовно-правовых норм, по-разному определяют объект этого посягательства.

Так, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов по УК Республики Беларусь содержится в Главе 29, которая называется «Преступления против здоровья населения». Следовательно родовым объектом преступления выступает здоровье населения. Подобного подхода придерживаются и некоторые страны ближнего зарубежья. Например, в УК Республики Казахстан 2014 года соответствующие нормы содержатся в Главе 11 «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности», УК Российской Федерации 1996 года предусматривает такой состав в Главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», в УК Туркменистана 1997 года незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ регулируется Главой 30 «Преступления против здоровья населения», в УК Украины 2001 года уголовная ответственность за данное посягательство устанавливается Разделом 13 «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения». Таким образом, можно сделать вывод о том, что объектом незаконного оборота наркотиков в вышеуказанных государствах выступают общественные отношения, складывающиеся в области здоровья населения.

В свою очередь, ряд государств определяют объект посягательства немного по-другому. К таким государствам, в частности, можно отнести Грузию, Китайскую Народную Республику, Республику Болгария и Турцию. В УК Грузии 1999 года уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков устанавливается в Разделе девятом «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Законодатель Китайской Народной Республики расположил данный состав преступления в Главе 6 УК 1997 года, которая регулирует преступления

против порядка общественного управления, в то время как законодатель Республики Болгария в качестве объекта посягательства рассматривает народное здоровье. Турский Уголовный кодекс, устанавливая ответственность за незаконный оборот наркотиков в Главе 3, тем самым охраняет общественные отношения, которые складываются в области общественного здоровья и питания.

Рассмотрев подходы различных государств к определению объекта незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, можно отметить их неоднозначность. Помимо этого, ни один из вышеупомянутых УК не содержит того понятия, которым обозначен родовой и непосредственный объект посягательства. Определение такого важного аспекта в законодательстве, на наш взгляд положительно отразилось бы не только на правоприменительной практике, но и предупредило бы наличие дискуссий в научной литературе. Под здоровьем вообще понимается правильная деятельность организма, его полное физическое и психическое состояние [10; с. 231]. Однако только ли о здоровье идет речь? В таком значении объект посягательства понимается чрезмерно узко. В данном случае речь идет не только о психическом и (или) физическом состоянии населения, конкретного индивида, но и об нравственной основе общества, складывающейся на протяжении многих лет, веков, которая в процессе совершения деяния, предусмотренного ст. 328 УК Республики Беларусь начинает деформироваться, разлагаться. Более того, затрагиваются национальные интересы, т.е. совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь. В частности, одним из важнейших национальных интересов в социальной сфере, в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09 ноября 2010 года №575, является обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества.

Объект посягательства должен быть точным и понятным, поскольку это отражает социальную сущность деяния и имеет важнейшее значение для дальнейшей квалификации. Поэтому, на наш взгляд, более правильно определять объект незаконного оборота наркотических средств через понятие общественная безопасность, определяемое Г.Н. Борзенковым и В.С. Комиссаровым как совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и под-

держивающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования. Как отмечается авторами, общественная безопасность в таком понимании (в широком смысле слова) характеризуется «состоянием защищенности безопасных условий функционирования общества и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности...». Представляется, что такое определение объекта позволило бы охватить все сферы общественной жизни, на которые воздействует данное негативное социально-правовое явление.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Уголовный кодекс Республики Болгария/ Науч. ред. канд. юрид. наук, проф. А.И. Лукашова. Перевод с болгарского Д.В. Милушева, А.И. Лукашова, вступ. статья Й.И. Айдарова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 298 с.
3. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Вступ. статья к.ю.н., доц. В.И. Михайлова. Обзорн. Статья д.ю.н., проф. О. Гамкрелидзе. Перевод с грузинского И. Мериджанашвили. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 409 с.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан// [Электронный доступ]. – 2016. – Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/gosudarstvo/novye-zakony/ugolovnyy-kodeks-respubliki-kazakhstan>. Дата доступа: 27.03.2016.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики/ Под ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 303 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации// [Электронный доступ]. – 2016. – Режим доступа:
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191695;fld=134;st=100009,0;rnd=0.373712890408773>. Дата доступа: 27.03.2016.
7. Уголовный кодекс Турции/ Предисловие канд. юрид. наук, доц. Н. Сафарова и докт. права Х. Аджара. Науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 374 с.
8. Уголовный кодекс Украины// [Электронный доступ]. – 2016. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>. Дата доступа: 27.03. 2016.
9. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин; Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А.А. Жданова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 128 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. Яз., 1990. – 921 с.
11. Актуальные проблемы уголовного права [Текст]: Курс лекций: учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов: в 3 т./ под ред. Засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л.В.Лобановой; Федер. гос. авт. образоват. учреж-

- дение высш. проф. образования «Волгогр. Гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2/ авт. коллектив тома: Н.В. Висков [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – 356 с.
12. Правонарушения в Республике Беларусь: статистический сборник/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2015.
13. Общая статистика преступности за 2015 год/ Министерство внутренних дел Республики Беларусь// [Электронный доступ]. – 2016. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. Дата доступа: 27.03.2016.

ENFORCEMENT OF ARBITRAL AWARDS

A. V. Kazlouski

The article deals with the procedure of enforcement of national and foreign arbitral awards.

Arbitration is an effective means of dispute resolution in the commercial sphere. It can be explained by the fact that in international trade it is often easier to enforce an arbitration award in a foreign country than to enforce a judgment of the court. The successful party in an international commercial arbitration expects the award to be performed without any delay [1, p. 430]. The problem of the order of the award execution is not new to our time, but it is important for any country to keep up with the experience of the international community in the legal regulation in this sphere. There are many disputable issues in this field. In the paper we will focus on the following issues: the definition of what the award is; identification of its «nationality»; choice of the applicable procedure of the award enforcement.

It is to be mentioned, that there is no internationally accepted definition of the term «award». Indeed, none is to be found in the international conventions dealing with arbitration. Even though the New York Convention is directed to the recognition and enforcement of awards, the nearest it comes to is the following definition: «The term ‘arbitral awards’ shall include not only awards made by arbitrators appointed for each case but also those made by permanent arbitral bodies to which the parties have submitted.» [2].

Under the Belarusian legislation the arbitral award is the decision on the merits by an arbitration tribunal in an arbitration, and is analogous to a judgment in a court of law. This is the result of the arbitration process.

There are two mechanisms of enforcement depending on the nationality of the award. So, first of all it is necessary to identify the nationality of the award. In accordance with the national legislation, the award issued by the arbitral tribunal, which is situated in the Republic of Belarus, is considered as a national award. The mechanism of national award enforcement, established by the Belarusian national law, is the following. The successful party submits an application to the Belarusian economic court, which checks the grounds for refusing the enforcement. It is to be mentioned, that these grounds are of a